

УДК 811.161.1'38

Н.В. Меньяйло

СТИЛИСТИКО-РЕЧЕВОЕ ПОСТРОЕНИЕ ОБРАЗА СПИРИДОНА ЕГОРОВА В РОМАНЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ»

Н.В. МІНЯЙЛО. СТИЛІСТИКО-МОВЛЕННЄВА ПОБУДОВА ОБРАЗУ СПИРИДОНА ЄГОРОВА У РОМАНІ О. І. СОЛЖЕНИЦІНА «У КОЛІ ПЕРШОМУ».

У статті проаналізовано стилістичні прийоми, застосовані для побудови образу персонажа, які дозволили зробити цей образ яскравим і переконливим. Актуальність цієї статті обумовлена необхідністю вивчення виражальних засобів мови та застосовування їх для побудови художніх образів. Мета статті – дослідити стилістичні прийоми зображення і вираження побудови образу Спиридона Єгорова в романі О. Солженицина «У колі першому». У праці розглянуто використання автором безпосереднього й опосередкованого способів побудови образу літературного героя. Визначено «мозаїчну» структуру образу. Відзначено об'єктивність оповідача у відтворенні реплік Спиридона, у яких зберігаються всі індивідуальні експресивно-мовленнєві особливості героя. Установлено, що найбільш яскраво й потужно Спиридона Єгорова зображено в суб'єктному сприйманні та розумінні Гліба Нержина, одного з головних героїв роману, надзвичайно близького, майже ідентичного самому авторові своїми інтелектуальними, моральними, світоглядними якостями. Ця особливість обумовлює побудову всієї композиції образу на чергуванні, взаємодії і взаємопроникненні двох мовленнєвих стихій: оповіді, що йде від Нержина, та експресивно-сміслових форм мовлення й свідомості Спиридона.

Ключові слова: образ персонажа, Спиридон Єгоров, поліфонізм, експресивно-мовленнєва характеристика, оповідь.

Н.В. МЕНЯЙЛО. СТИЛИСТИКО-РЕЧЕВОЕ ПОСТРОЕНИЕ ОБРАЗА СПИРИДОНА ЕГОРОВА В РОМАНЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ».

В статье проанализированы стилистические приемы, применяемые для построения образа персонажа, которые позволили сделать этот образ ярким и убедительным. Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью изучения выразительных средств языка и применения их для построения художественных образов. Цель статьи – изучить стилистические приемы изображения и выражения воспроизведения образа Спиридона Егорова в романе А. Солженицына «В круге первом». В работе рассматривается использование автором непосредственного и опосредованного способов построения образа литературного героя. Определена «мозаичная» структура образа. Отмечается объективность повествователя в воспроизведении реплик Спиридона, в которых сохраняются все индивидуальные экспрессивно-речевые особенности героя. Устанавливается, что с наибольшей яркостью и силой Спиридон Егоров изображается в субъектном восприятии и понимании Глеба Нержина, одного из главных героев романа, чрезвычайно близкого, почти идентичного самому автору по своим интеллектуальным, нравственным, мировоззренческим качествам. Эта особенность обуславливает построение всей композиции образа на чередовании, взаимодействии и взаимопроникновении двух речевых стихий: повествования, идущего от Нержина, и экспрессивно-смысловых форм речи и сознания Спиридона.

Ключевые слова: образ персонажа, Спиридон Егоров, полифонизм, экспрессивно-речевая характеристика, повествование.

N.V. MINYAILO. THE STYLISTIC AND SPEECH CONSTRUCTION OF THE IMAGE OF SPIRIDON EGOROV IN THE NOVEL BY A. I. SOLZHENITSYN "IN THE FIRST CIRCLE".

The stylistic techniques used to build the image of the character, which allowed to make this image bright and convincing, are analyzed in the article. The relevance of this article is predetermined by the need to study the expressive means of language and use them to build artistic

© Н.В. Меньяйло, 2019

<https://doi.org/10.34142/2312-1572.2019.01.67.11>

images. The purpose of the article is to study the stylistic techniques of the image and the expression of the reproduction image of Spiridon Egorov in the novel by A. I. Solzhenitsyn "In the First Circle". Direct and indirect methods of building the image of a literary hero used by the author are discussed in the paper. "Mosaic" structure of the image is defined. The objectivity of the narrator in the reproduction of Spiridon's remarks is noted, in which all the individual expressive-speech features of the hero are preserved. It is established that Spiridon Egorov is portrayed with the most brightness and power in the subject perception and understanding of Gleb Nerzhin, one of the main characters of the novel, extremely close, almost identical to the author himself in his intellectual, moral, worldview qualities. This feature determines the construction of the entire composition of the image based on the alteration, interaction and interpenetration of two speech elements: the narration coming from Nerzhin, and the expressive-semantic forms of speech and consciousness of Spiridon.

Key words: character image, Spiridon Egorov, polyphony, expressive-speech characteristics, narration.

Роман А.И. Солженицына «В круге первом», несмотря на то, что весь сюжет заключен в ограниченные временные рамки (три дня), пестрит многообразием персонажей – как включенных в действие романа, так и упомянутых в мыслях героев. Задача писателя – максимально реалистично и объективно рассказать о происходящем и в «шарашке», и в стране во времена сталинского режима. «Автор покоряет читателя в том числе и обилием материала, взятого из реальной жизни (...) Богатство пережитого организуется в «Круге» даром математика, романиста и философа – сочетание, которое обнаруживает себя здесь с такой очевидностью, как, возможно, ни в одном другом произведении Солженицына. Это самое, если угодно, вдохновенное его сочинение» [3, с. 94]. Полифонизм произведения позволяет каждому герою стать главным действующим лицом.

Продолжая и развивая плодотворные традиции русской классической литературы в построении индивидуальных образов, А.И. Солженицын стремится изобразить человеческую индивидуальность во всей ее экспрессивной глубине и психологической широте. Уже в первом его романе проявилось богатство и разнообразие стилистических приемов изображения и выражения в построении образов действующих лиц.

При изображении дворника Спиридона Егорова, представителя подлинного русского народного мирозерцания, не вытравленного революционными преобразованиями в советской России, Солженицын использует как непосредственный способ построения образа литературного героя, так и опосредованный. Стилистические приемы, применяемые для создания образа Спиридона, позволяли сделать этот образ настолько ярким и насыщенным, что в 1959 г. Солженицын прерывает работу над романом «В круге первом» и пишет «Один день Ивана Денисовича», где главный герой Шухов является своеобразной вариацией образа Спиридона.

«Пластическое изображение живой, индивидуально-своеобразной личности предполагает как воспроизведение ее внешнего облика (развернутое, пространное или беглое, стремительное; локализованное или рассеянное по тексту, «мозаичное»), так и изображение ее мыслей, чувств, переживаний, действий» [2, с. 18-19]. При этом воспроизведение внешнего облика героя может быть как развернутым, пространным, так и беглым, стремительным; локализованным или рассеянным по тексту, «мозаичным».

Образ Спиридона в «Круге первом» строится «мозаично». Впервые его имя упоминается в споре главных действующих лиц романа Нержина и Рубина. Нержин с подчеркнутым удовольствием, как главный аргумент, завершающий спор, приводит высказывание Спиридона, имеющее яркую окраску простонародности. На настойчивый совет Рубина, что он должен прочесть книгу Хемингуэя, Нержин резко отвечает:

– *Я никому ничего не должен, запомни! Со всеми долгами расплатёмишься, как говорит Спиридон* (тут и далее, где не оговорено, полужирный шрифт в цитатах мой – Н. М.) [4, с. 28].

Как действующее лицо Спиридон появляется только в 26 главе романа («Пилка дров»). Он выступает здесь в освещении двух сознаний, двух субъектных сфер, дополняющих и уточняющих одна другую. Входит в романский мир он через восприятие одного из главных героев «Круга» (так в разговоре и в письмах с Твардовским сокращенно называл свой роман сам Солженицын) Сологодина и близкого к всеведению повествователя:

«В расходящейся темноте, в которой свет бледнеющих фонарей мешался со светом дня, из-за угла здания показалась круглая фигура дворника Спиридона в ушастом малахае, одному ему таком выданном, и в бушлате. Дворник был тоже эзк, но подчинялся коменданту института, а не тюрьме, и только чтобы не ссориться, точил для тюрьмы пилу и топоры. По мере того как он сейчас приближался, Сологдин различал в его руках недостающую на месте пилу.

Во всякое время от подъёма до отбоя Спиридон Егоров ходил по двору, охраняемому пулемётами, бесконвойно. Ещё потому начальство решалось на эту вольность, что у Спиридона один глаз вовсе не видел, а другой видел на три десятых. Хотя здесь, на шарашке, по штату полагалось трое дворников, ибо двор был – несколько соединённых дворов, общей площадью два гектара, но Спиридон, не зная того, за всех троих обмогался один, и ему не было плохо. Главное – он здесь ел от нуза (выделено автором – Н.М.), хлеба чёрного не меньше килограмма полтора, потому что с хлебом была раздольщина, да и каши ему ребята уступали. Спиридон здесь видимо посправнел и отмяк от СевУраллага – от трёх зим лесоповала, да трёх вёсен лесосплава, где много тысяч брёвен он перенячил» [4, с. 145-146].

Здесь повествование скользит как бы по грани двух сознаний – Сологдина, заметившего приближающегося Спиридона, и повествователя, знающего даже то, чего сами герои о себе не знали. Этот повествователь, представляя Спиридона, привлекает для его характеристики типичные для героя слова и выражения. Ср.: «обмогался», «ел от нуза», «раздольщина», «посправнел», «перенячил» (много брёвен). С позиции Сологдина воспроизводятся чисто внешние черты облика дворника («круглая фигура», «в ушастом малахае» и «в бушлате»).

Здесь же деталь за деталью, постепенно, словно бы глазами Сологдина, но на самом деле в смешанном восприятии, «рисует» общий портрет Спиридона и с позиции всезнающего повествователя выделяется характеристическая особенность героя:

«Лицо Спиридона, с усами седо-рыжими, бровями седо-рыжими и кожей красноватой, было очень подвижно и часто выражало при ответе готовность, как сейчас. Сологдин не знал, что слишком большая готовность у Спиридона означала насмешку» [4, с. 146].

В сцене с Сологдиным Спиридон Егоров отчасти раскрывается в речи. А.И. Солженицын, как и его великие предшественники – Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, И.А. Гончаров, А.И. Бунин, М.А. Булгаков и др., располагал «поразительным разнообразием стилистических средств индивидуализации речи героев» [1, с. 251]. Повествователь объективно, с сохранением всех индивидуальных экспрессивно-речевых особенностей воспроизводит реплики Спиридона. В основе его высказываний русская кондовая народная речь, пересыпанная умело использованными русскими пословицами. Характерной чертой речи Спиридона является также насыщенность ее главным образом грамматическими и фонетическими диалектизмами.

Ср.: – *Вы в руках-то её больно крепко дёржите, – осторожно посоветовал Спиридон. – Вы ручку тремя пальчиками обоймите, как перо, и водите по воле, плавненько... во... ну-ну!.. К себе-то когда волочёте - не дёргайте...* [4, с. 146];

«Спиридон, довольный, приговорил в такт пиле:

– Жрёт себе, жрёт, мелко жуёт, сама не глотает, другим отдаёт...» [4, с. 146];

– Не-е, – взялся Спиридон за спину. – Я заморился. Что деды, что продеды не доработали – всё на меня легло... [4, с. 146];

– Попов судить – на то чёрт есть, – махнул Спиридон, косясь на Сологдина, которого знал мало. – Ну, я покати... [4, с.147].

С наибольшей яркостью и силой Спиридон Егоров изображается в субъектном восприятии и понимании Глеба Нержина, одного из главных героев романа, чрезвычайно близкого, почти идентичного самому автору по своим интеллектуальным, нравственным, мировоззренческим качествам.

Автор-повествователь, сливая свой взгляд со взглядом Нержина и передавая ироническое отношение Рубина и Сологдина к дружбе Нержина с дворником Спиридоном, влагает в их утверждение новую оценку, акцентируя его по-своему – с выражением насмешки. Здесь как бы сталкиваются и перебиваются два иронических акцента, и полемическое слово Нержина бьет по чужому утверждению:

«Дружбу Нержина с дворником Спиридоном Рубин и Сологдин благодушно называли «хождением в народ» и поисками той самой великой сермяжной правды, которую ещё до Не-

ржина тщетно искали Гоголь, Некрасов, Герцен, славянофилы, народники, Достоевский, Лев Толстой и, наконец, оболганный Васисуалий Лоханкин. Сами же Рубин и Сологдин не искали этой сермяжной правды, ибо обладали Абсолютной прозрачной истиной» [4, с. 405].

Едко-иронически, почти саркастически звучит вывод Нержина о причине пренебрежения его друзьями «сермяжной правдой»: «Сами же Рубин и Сологдин не искали этой сермяжной правды, ибо обладали Абсолютной прозрачной истиной».

Нержин своим острым писательским глазом (а из романа известно, что Нержин готовился стать писателем) сразу выделил Спиридона по его приезду на «шарашку» и решил, «*что он-то и есть тот представитель Народа, у которого следовало черпать*».

«Притирка» Нержина и Егорова дана в романе глазами Нержина. Опытный и проницательный Глеб Нержин, регулярно «нахаживая» к Спиридону, сразу почувствовал, что соседи его собеседника определили, что он (Нержин) – *«волк и рыскает за добычей для кума»* (выделено автором – Н.М.). Здесь используются типичные для тюремного мира слова и выражения, воссоздающие атмосферу этого мира. И сам Спиридон вначале также недоверчиво относился к Нержину: «*При входе Нержина в комнату Спиридон притворно озирался, давал место на койке и с глупым видом принимался рассказывать что-нибудь за-тридцать-земельное от политики: как трущуюся рыбу бьют остями, как ее в тиховодье рогаткой лозовой цепляют под зябры* (выделено автором. – Н.М.), *а и ловят в сетя, как он ходил «по лосей, по медведя' рудо́го (а чёрного с белым галстуком медведя остерегайся!), как травой медуницей змей отгоняют, дятловка же трава для косьбы больно хороша... При этом малоподвижные больные глаза Спиридона из-под густых рыжеватых бровей добавляли: «Ну, что ходишь, волк? Не разживешься, сам видишь»* [4, с. 408-409].

Повествовательный стиль здесь, организованный точкой зрения Нержина, широко включает характерные для Спиридона слова и выражения («*остями*», «*тиховодье*», «*рогаткой лозовой*», «*зябры*», «*сетя*», «*медведя' рудо́го*», «*чёрного с белым галстуком медведя остерегайся!*», «*дятловка же трава для косьбы больно хороша*»). Нержин как будущий писатель, искавший и представителя Народа, и подлинно русскую, из глубинки, речь, «*не только не утомлялся от рассказов Спиридона, но они освежали его, дышали на него сыровой приречной зарёю, обдувающим дневным полевым ветерком*» [4, с. 409].

Тонко чувствующий ситуацию Нержин «*ни разу лукавым вопросом не попытался перескочить на политику. И Спиридон постепенно начал доверять, неизнудно и сам окунался в прошлое, хватка постоянной настороженности отпускала, глубоко прорезанные бороздки его лба разморщивались, красноватое лицо осветлялось тихим свечением*».

Войдя в доверие Спиридона, Нержин «*последние пять-шесть воскресений*» слушал его рассказы, которые «*замерцали давно желанной глубиной*». И в дальнейшем вся композиция повествования строится на чередовании, взаимодействии и взаимопроникновении двух речевых стихий: повествования, идущего от Нержина, и экспрессивно-смысловых форм речи и сознания Спиридона, выражающих развитие его полной драматизма, взлетов и падений жизни в революционной и послереволюционной России. Авторское повествование, слившись с нержинским восприятием и пониманием, детально воспроизводит этапы трудного жизненного пути Спиридона Егорова. Всё оно пропитано его глубоко личными экспрессивно-речевыми формами. Ср.: «*И тут-то они с Марфой начисто сгорели – еле детей выхватили из огня. И стали – голова, ничто*» [4, с. 411];

Ср. также: «*Спиридон вёл себя поначалу как в лучших патриотических романах: что было добра – закопал в землю, и как только оборудование завода отправили вагонами, а рабочим *роздали телеги, – посадил на ту́ю телегу троих детей и жёнку и – «лошадь чужая, кнут не свой, погоняй не стой!*» – от Почепы отступал до самой Калуги, как многие тысячи других»* [4, с. 412].

И еще: «*И в момент, не дожидаясь наших, и ничего больше не дожидаясь, никому не сказавшись, Спиридон покинул автомат и две диски и погнал за своею семьёй*» [4, с. 413].

Авторско-нержинский взгляд обнаруживается в метафорически-обобщенных, риторически-окрашенных комментариях:

«*Какие водопады не низвергались через него! какие валы не обтачивали рыжий окатыши головы Спиридона!*» [4, с. 410];

«*Но это было из редких, из очень редких потрясений в своей правоте, колебнувшее дух упрямого рыжего мужика. Все остальные тяжёлые годы, во всех жестоких выныриваниях и*

окунаньях, никакие раздумки не обессиливали Спиридона в минуты решений. И так своей повседневной методикой Спиридон опровергал лучшие страницы Монтеня и Шаррона.

Несмотря на ужасающее невежество и беспонятность Спиридона Егорова в отношении высших порождений человеческого духа и общества – отличались равномерной трезвостью его действия и решения» [4, с. 414].

Роман Солженицына, как и романы Льва Толстого, носит синтетический характер. В его структуре нередко смешиваются несродные типы речи: повествовательно-изобразительные формы сочетаются с публицистическими, логическими, психологическими авторскими комментариями, нередко с отчетливо выраженными идеологическими тенденциями.

Одним из ударных мест в композиции 67 главы («Спиридон»), по-новому осветившим образ Спиридона, является его рассказ о стычке с немецким мастером, ударившим младшего спиридонова сына:

«Спиридон не думал долго, а с топором подскочил и замахнулся на мастера. По законам германского рейха, дойди только до законов, замах такой значил – расстрел Спиридону. Но мастер остыл, подошёл к бунтовщику и сказал, как передавал теперь Спиридон:

– Я сам – фатер. Я тебя – ферштэе.

И не доложил дальше! И узнал вскоре Спиридон, что в то самое утро мастер получил извещение о смерти сына в России.

Окалённый, с околоченными боками, Спиридон, вспоминая того рейнского мастера, не стыдясь, отирал слезу рукавом:

– После этого я на немцев не сердюся. Что хату сожгли и всё зло этот фатер снял. Ведь проникся же человек! – вот тебе и немец...» [4, с. 414].

Здесь взаимодействуют элементы авторско-нержинского повествования с драматическими формами речи Спиридона. Особой эмоционально-экспрессивной силой выделяется здесь последний абзац, где Нержин (а вместе с ним и автор) скупыми, редкими в современной русской речи словами характеризует потрясение Спиридона, вызванное гуманным поступком немца. Интересно построение фразы, идущей от Нержина (автора): на первый план вынесены обособленные эпитеты, в обобщенной форме характеризующие нелегкую жизненную судьбу Спиридона Егорова. Свежий, необычный эпитет *окалённый* имеет здесь значение «обожженный жизнью, закаленный», эпитет *с околоченными боками* – значение «прошедший через трудные жизненные испытания». Им противопоставлена в конце фразы *слеза* Спиридона, а затем приоткрывающее масштаб души русского мужика его признание в прощении им простых немцев, неповинных в бесчеловечных действиях их бесноватых вождей и также страдающих от этих действий.

И далее через авторско-нержинскую характеристику и оценку действий и решений Спиридона Егорова укрепляется авторская мысль об опровержении «повседневной методикой Спиридона» «лучших страниц Монтеня и Шаррона». Он жил, приспособляясь к обстоятельствам бурной жизни, которая нередко была его, однако с ног никогда не сбивала, – что с нескрываемой симпатией и отмечает хорошо изучивший его за время встреч и бесед с ним Нержин (а вместе с ним и автор):

«И сейчас, в пятьдесят лет, заключённый, почти слепой, очевидно обречённый здесь, в тюрьме, умереть, – Спиридон не выказывал движения к святости, или к унынию, или к раскаянию, или тем более к исправлению (как это выражалось в названии лагерей), – но со старательною метлою своей в руках каждый день от зари до зари мёл двор и тем отстаивал свою жизнь перед комендантом и оперуполномоченным» [4, с. 415].

Всё это шло вразрез с изображением в русской литературе прошлого «седовласого страдающего образа Народа» «в серебряном окладе и с нимбом, соединившего в себе мудрость, нравственную чистоту, духовное величие», о чем с иронией, даже с элементами сарказма рассуждал Нержин. Теперь он видел перед собой непокорившегося рыжеголового, с рыжими с проседью усами русского мужика, ради спасения своей семьи беспрестанно переходившего от одной борющейся стороны к другой. И сама собой у него сложилась обобщенная рельефная характеристика Спиридона Егорова, изложенная лаконичным стилем, избыточным суждениями тождества, афористичными возвратами и повторами:

«Какие б ни были власти – с властями жил Спиридон всегда в раскосе.

Что любил Спиридон – это была земля.

Что было у Спиридона – это было семья...» [4, с. 415];

«Его родиной была – семья. Его религией была – семья. И социализмом тоже была семья» [4, с. 415].

Но Глеба Нержина остро волновал вопрос философской сущности этого характера:

«Сложная жизнь Спиридона, его непрерывные переходы от одной борющейся стороны к другой – не было ли это больше, чем простое самосохранение? Не сходилось ли это как-то с толстовской истиной, что в мире нет правых и нет виноватых?.. Что узлов мировой истории не распутать самоуверенным мечом? Не являла ли себя в этих почти инстинктивных поступках рыжего мужика – мировая система философского скептицизма?..» [4, с. 418].

И в кульминационной сцене 68 главы («Критерий Спиридона»), когда Нержин высказывает сомнение в том, что человеку немислимо разобраться на земле, кто прав, кто виноват, просветлевший Спиридон с готовностью отозвался: *«Я тебе скажу: волкодав – прав, а людоед – нет!*

– Как-как-как? – задохнулся Нержин от простоты и силы решения.

– Вот так, – с жестокой уверенностью повторил Спиридон, весь обернувшись к Нержину: – Волкодав прав, а людоед – нет» (выделено автором – Н. М.) [4, с. 419].

Здесь очень важен повтор фразы, выражающей нравственный критерий Спиридона Егорова, и разбивка ее паузами (графически – тире): в первом случае акцентированы обе части фразы, во втором – акцентуация фразы осуществляется выделением ее авторским курсивом, и дополнительный акцент сделан на второй ее части.

В заключительном фрагменте главы во взволнованном монологе Спиридона вырисовывается образ бесстрашного человека, готового, ради установления на земле справедливости, пожертвовать не только собственной жизнью, но жизнью своей семьи, которая была для него святыней:

«И, приклонившись, горячо дохнул из-под усов в лицо Нержину:

– Если бы мне, Глеба, сказали сейчас: вот летит такой самолёт, на ём бомба атомная. Хочешь, тебя тут как собаку похоронит под лестницей, и семью твою перекроет, и ещё мильён людей, но с вами – Отца Усамого и всё заведение их с корнем, чтоб не было больше, чтоб не страдал народ по лагерях, по колхозах, по лесхозах? – Спиридон напрягся, подпирая крутыми плечами уже словно падающую на него лестницу, и вместе с ней крышу, и всю Москву. – Я, Глеба, согласишься? нет больше терпезу! терпезу – не осталось! я бы сказал... – Он вывернул голову к самолёту. – А ну! ну! кидай! рушь!!

Лицо Спиридона было перекажено усталостью и мукой. На красноватые нижние веки из невидящих глаз наплыло по слезе» [4, с. 419-420].

Экспрессия спиридонова монолога усилена яркой социально-диалектной окраской (главным образом – это фонетические и грамматические диалектизмы: на ём, мильён, по лагерях, по колхозах, по лесхозах, нет терпезу, кидай, рушь) и авторским, подстраивающимся под монолог героя сочувствующим комментарием.

Завершается история Спиридона Егорова прощанием с Глебом Нержиным, этапируемым из «шарашки» в лагерь, которому так и не дали надзиратели прочитать письмо Спиридону от дочери:

– Данилыч-Данилыч, – говорил Нержин, обнимая рыжего дворника.

Спиридон прохрипел в груди и махнул рукой.

– Прощай, Глеба.

– Прощай навсегда, Спиридон Данилыч!

Они поцеловались. Нержин взял вещи и порывисто ушёл, сопровождаемый дежурным.

А Спиридон неотмывными, со въевшейся многолетней грязью руками снял с кровати развёрнутую книжку, на обложке обсыпанную кленовыми листьями, заложил дочерним письмом и ушёл к себе в комнату.

Он не заметил, как коленом свалил свою мохнатую шапку, и она осталась так лежать на полу [4, с. 600].

По-достоевски обрывается окончание повествования о Спиридоне: фиксацией и укрупнением характеристической внешней детали образа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Избранные труды: Язык и стиль русских писателей. М.: Наука, 2003. 393 с.

2. Гулак А. Т. Образ персонажа как проблема стилистики художественного текста // Филологический сборник. Вып. 15. Харьков, 2013. С. 16 – 21.
3. Нива Жорж. Солженицын. М.: Худ. л-ра, 1992. 192 с.
4. Солженицын Александр. В круге первом. М.: Наука. 2006. 809 с.

(Статья поступила в редакцию 6 апреля 2019 г.)